

КИРИЛЛ МИНИН

ДОБРО ВОЛЕЦ

Письма не о любви

РЕДАКЦИЯ
КПД

русская реконкиста

Русская Реконкиста

Кирилл Минин

Доброволец. Письма не о любви

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Минин К.

Доброволец. Письма не о любви / К. Минин — «Издательство АСТ», 2026 — (Русская Реконкиста)

ISBN 978-5-17-181864-7

Дебютный роман Кирилла Минина «Доброволец. Письма не о любви» – один из самых ярких текстов современной русской литературы про первый год СВ О. В центре повествования – коллективный портрет русского солдата. Вы увидите всё многообразие судеб и жизненных коллизий, любовных историй и житейских проблем, духовных взлётов и падений на дно окопа. Русский солдат не только сражается с врагом, но и претерпевает весь набор тягот и лишений от собственного государства – и это не мешает ему оставаться верным стране и боевым товарищам, проявлять самоотверженность и стоицизм. Мы давно ждали появления в русской словесности собственных Ремарков и Селинов. И вот такой писатель пришёл. А русский дух и талант повышают градус литературной крепости.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-181864-7

© Минин К., 2026

© Издательство АСТ, 2026

Кирилл Минин

Доброволец. Письма не о любви

Серия «Русская Реконкиста»

© Кирилл Минин, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Я хотел написать тебе любовное письмо. Я сидел за стол и начинал от руки выводить слова. Каждый раз у меня получались строфы какой-то длинной поэмы.

Поэмы про песни, которые ты мне пела.
Поэмы про цветы, которые я тебе дарил.

Я пытался написать тебе о своих чувствах с самого нашего знакомства. Передать то, как грохотало у меня сердце при виде тебя. Описать первое прикосновение. И раз за разом я сбивался с прозы на стихи. Я путал хронологию наших судеб. В моей голове всё мешалось. Мысли о тебе превращались в облако над моей головой, которое моментально уносил лёгкий ветер прочь из комнаты. Я хватался за это облако. Отрывал его ватные куски, прижимал к себе и старался хоть как-то удержать. Плохо получалось. Я расплылся. Но всё равно не оставлял этих попыток написать тебе.

Я так редко тебя обнимал. Так мало раз целовал. Но ты всегда была рядом со мной. Даже когда я засыпал посреди холодных лесопосадок Луганщины, лёжа на мокром бронезилете и чувствуя, как ветер октября сдувает остатки тепла с того края земли, где я тогда находился. Ты была всегда рядом. Хотя тогда тебя рядом и не было.

1

Помнишь, как всё заканчивалось? Стоило мне только прийти в военкомат и изъявить желание принять участие в войне, которую называли «специальной военной операцией», определённого типу людей я стал небезразличен. Работницы военкомата взяли на себя функции швейцаров и открыли для меня все двери, ведущие на фронт. Помогли собрать документы,

даже согласились тратить казённую бумагу для принтера и отсканировали военный билет, паспорт и какие-то пластиковые карточки, которые до этого у меня спрашивали только в поликлинике.

И когда я уже пришёл, готовый отправиться из районного военкомата в областной, милые работницы хотели выделить для меня отдельный автобус. К большому сожалению, не получилось. Они погрузили, виновато посмотрели на меня и начали объяснять, где в Питере найти областной комиссариат. Объясняли очень подробно. Даже сказали, как в метро проходить турникет и под каким углом опускать жетон. На этом месте они прервали рассказ, начали искать у себя по карманам и сумочкам; мало ли, с последней поездки в Санкт-Петербург у них что-то да осталось. Не повезло. В их сумках и карманах жетонов не было. Продолжили рассказ. Повторили его несколько раз. Вырвали из блокнота листок, написали ещё раз адрес, нарисовали точную карту всего маршрута.

В областном военкомате меня уже радостно встретили контрактники-работники. Они помогли мне написать все необходимые бумаги, на всякий случай повторили со мной русскую азбуку, правописание и чистописание, чтобы я точно ни в чём не ошибся при заполнении нужных для заключения военного контракта документов. Пообещали договориться с государством и посадить меня на самолёт до Белгорода.

* * *

Миновав предварительные ласки с армией, я вышел из здания на Фонтанке. Бродил по каким-то дворикам, где ещё удивительно для сентября зеленели клумбы вдоль подходов к парадным. Глядел на сентябрьское солнышко, жёлтые и серые стены трёхсотлетнего города, который так часто бывал ко мне жесток. Я думал, где мне переждать эту ночь до самолёта? Кто меня этой ночью передержит у себя и передаст под опеку Вооружённых сил? Для приличия обзвонил нескольких друзей, убедился, что кроме тебя, мне не к кому обратиться.

Набрал твой номер на кнопочном телефоне, который, можно сказать, был уставным: на его крышке ещё оставалась карточка с моим именем, фамилией и воинским званием. Я с этим телефоном в обнимку переживал ужасы службы срочной. Решил и на войну его взять.

Дозвон. Несколько гудков. Твоё тихое «привет». Ты шептала в трубку. Сказала, чтобы я приезжал. Я знал, что твой будущий муж сейчас в командировке и ты одна.

Как у нас с тобой всё глупо получалось! Когда-то мы были студентами девятнадцати лет, которые топтали асфальт Невского проспекта, вливали в себя холодное пиво, терпкое вино, держались за руки, а все прохожие, даже в полицейской форме, глядя на нас, молодых и красивых, идущих навстречу солнцу, улыбались. Прошло не так уж и много времени. Тебе пока ещё двадцать два года. Ты офисная работница, невеста, которой сделали предложение. А я хоть все ещё мальчишка – мне только двадцать три, но сейчас ухожу на войну.

Я добрался до твоего многоэтажного дома на окраине. Поднялся, не успел подойти к квартире, как ты открыла мне дверь. Я вошёл в прихожую. Ты мне улыбнулась. Обняла меня. Я спросил: могу ли я лечь спать? Ты указала на диван возле своего рабочего места. Сегодня ты из дома заполняла свои таблицы, сочиняла письма представителям каких-то компаний. Я не спал уже несколько суток. Я бы провалялся на этом диване хоть тысячу лет. Но ты разбудила меня. Приказала идти на кухню и съесть то, что ты приготовила.

После ужина мы лежали в обнимку на этом же диване. Мы не целовались уже несколько лет. Хотелось бы. И тебе, и мне. Но ты без пяти минут чужая супруга. А я без одной минуты снова солдат. Нам нельзя. Твои библейские кудри окутывали мою шею. Твоё тёплое дыхание обдавало мои щёки. Твои пальцы бегали по моим волосам, по коже рук. Я гладил тебя в ответ, поднимаясь от ладоней твоих до плеч твоих. Всю ночь напролёт мы старались не думать, где

я окажусь завтра. И о том, что ты не хочешь вступать в брак. Придётся. И мне взойти на борт самолёта до Белгорода, где рядышком вовсю горела война.

Утро. Прощальные объятия. Я иду пешком до метро и добираюсь до областного военкомата. Там меня уже ждёт автобус. Он увезёт меня на военный аэродром возле Пушкина. Снова Царское Село! Снова на въезде в него по Петербургскому шоссе увижу слева Буферный парк, а справа мой оранжевый университет, который я забросил в начале четвёртого курса.

С Пушкинского аэродрома я и другие будущие солдаты улетали в комфортном военном транспортнике, в котором мне даже посчастливилось сесть на скамейку. Я глядел в иллюминатор, видел родные мне поля, леса, реки и города.

2

Уже в Белгороде, когда нас привезли в какую-то воинскую часть, нам, добровольцам, дали отличного качества «пиксельные» бушлаты от ведущего российского дизайнера Юдашкина с погонами на груди. Люди случайные, потенциальные провокаторы, говорили в очереди на вещевой склад, что эту форму сняли с вооружения десятков лет назад, поскольку за одну зиму в ней перемёрзли все караулы и наряды.

Государство не ограничило этими подарками. Оно ещё дало нам со складов советские вещмешки, ложки, носки и котелок. Поскольку дарить тару пустой считается дурным тоном, котелки сочлись солидолом. Родина продолжала на нас тратить. Она подогнала к воротам распределительного пункта в Белгороде военный грузовик, доверху заправленный соляжкой, отремонтированный, с надутыми шинами. Правда, под тентом не было скамеек. Но и тут о нас заранее позаботились: вещмешки можно было использовать вместо сиденья, набив туда немного формы от ведущего дизайнера, и кузов грузовика превращался в пушистое и мягкое облако, на котором мы буквально не ехали, а парили по русскому черноземью.

Отвезли нас в лес, укрыли крышей палатки, расстелили под нами полаты, разожгли печки-буржуйки, заботясь о том, чтобы нам не было холодно.

Утром человек с майорскими звёздами проводил нас до другой палатки, сказал, что мы теперь гвардейцы из мотострелкового полка танковой армии. Правда, не сказал, какого. Мы зашли в палатку, поставили свои крестики, закорючки и округлые росписи. Цифрами и буквами написали срок нашего контракта о прохождении военной службы: три месяца. После нас отвезли в другой лес. Там нам дали бронежилеты и каски. Правда, не всем. Кому хватило. Также выдали боевое оружие. Ржавое, царапанное, местами без ремней. Судьба всегда была ко мне благосклонна. И когда мои уже фактически родственники – собратья по ржавому оружию – получили брезентовые подсумки ещё советского образца, мне досталась относительно новая разгрузка. Её ремешки были цвета камуфляжа «флора». Значит, ей было не более тридцати лет. Почти ровесница. На десяток лет всего-то старше. Один из подсумков этой разгрузки был обожжён, в другом была дырка, размера которой хватило бы для того, чтобы магазин из неё выпадал.

Не только разгрузка у меня была особенной. Ещё бронежилет. Он был модернизированный. Сквозь «пиксельную» ткань, которой его обшивали, была видна «флора». В бронежилете было целых две кевларовые пластинки. Одна позади, другая впереди. Плита была только одна. Спереди. Оно и немудрено! Я же не отступать собрался. Зачем мне поворачиваться спиной к разрывам и пулям?

После оснастки современной амуницией, формой и оружием новых образцов нас сразу же решили обучить. Сели в грузовик, и нас отвезли на стрельбище для прибывающих на войну контрактников и добровольцев.

На полигоне меня решил удивить автомат. Первой нашей учебной точкой была пристрелка оружия. Опытные инструкторы подкрутили бы барашек на мушке моего оружия так,

чтобы я бил точно в цель. Но вот досада: мой автомат помешал им сделать эту работу. Он не стрелял. Инструктор несколько раз разобрал автомат, пытаюсь понять, что же с ним не так. Лишь на третий раз до него дошло, что в бойке нет иглы, которая ударяет по капсулю патрона. Инструктор вежливо спросил у меня: «Какая тварь выдала тебе этот автомат?» Я ответил с гордостью: офицеры такого-то танкового полка, любезно предоставившие нам палатку и место в жизни на крайние сутки.

Даже отсутствие рабочего оружия не помешало мне пройти серьёзный курс боевой подготовки длиной в четыре часа. Я отстрелял два магазина в поля чернозёма под чутким руководством офицеров, которые кричали нам, что мы – будущий груз «двести».

Эти четыре часа полностью изменили нас. Раньше мы были простыми романтиками и мечтателями. Но пройдя суровую четырёхчасовую закалку, мы стали настоящими воинами, идеальным оружием, карающим мечом, который будет разить врагов страны.

Когда я вернулся с этого полигона, меня было не узнать. Офицеры посылали туда мальчика, а на выходе получили мужчину. Так решили они. И обрадовали нас радостной вестью, что уже через пару часов мы пересекаем границу и оказываемся на фронте. Эта новость была бы принята всеобщим ликованием, если бы нам всем раздали бронежилеты. Я, в принципе, был доволен тем, что мне поменяли автомат. По заверению какого-то прапорщика, уж он обязательно будет стрелять.

Я успел позвонить тебе. Я сказал, моя милая, что всё, еду туда. И неизвестно, когда позвоню вновь.

Офицеры раздали всем ленточки с молитвами и иконки ангела-хранителя. Это было даже лучше бронежилетов пятого класса защиты. Я убрал иконку в карман кителя. Она была красивой. На её обороте была напечатана молитва, которую мне скоро предстоит выучить.

И вот, мы едем на ноль. Ноль, как нам объяснили, это то, что раньше было границей двух ныне враждующих государств.

Колонна из одного грузовика и трёх боевых машин пехоты. Если глядеть на боевые машины, то сквозь десятки слоёв зелёного, нанесённых солдатами срочной службы в период полковых улучшений материальной базы, сквозь вмятины и царапины можно было рассмотреть заводскую краску. Я забрался на борт БМП. Ногами уперся в крыло, прикрывающее траки.

Пограничники смотрели на нас и не понимали, куда мы едем. Решили спросить у старшего колонны. Старший назвал пограничникам пункт прибытия. Начальник пограничников удивился и приказал снимать своим подчинённым бронежилеты с себя и передавать нам, искренне не понимая, как можно так отправлять людей в бой. Бронежилетов всё равно не хватило.

Мне было холодно, о чём я сообщил своему земляку, сидевшему рядом со мной. Это услышал механик-водитель машинки рядом. Он произнёс прописную фронтовую истину:

– А тебе и не должно быть тепло... Тепло внутри... Мне тепло. Но только если в нас выстрелят из гранатомёта или если мы наедем на мину, я погибну сразу, а вас на броне просто раскидает в разные стороны. Ваша философия, философия пехоты, должна быть проста: лучше живым лежать в холодном окопе, чем среди тёплого поля быть мёртвым.

Начинается движение. Ревут двигатели, фары БМП режут жёлтыми полосками тёмную ночь. Я, сдвинув удобнее автомат, схватившись за проволоку на бревне, закреплённом на заднем борту, стараюсь удержаться и не выпасть.

Грохочущая колонна неслась по дорогам в степи, проложенным сквозь тьму, поля, заросли кустов и лесопосадки. Ночь была страшной. Осознание, что мы едем на войну, стало ещё больше. Но это была та секунда... Нет, даже тот миг сопричастности вечному, истории. Мы начали это путешествие в край огня и смерти. Неизвестно, что с нами будет. Ехать всю ночь. Не спать и пытаться не выпасть с брони. Усталость, недосып, страх – это всё было понятно. Но наряду с этим было чувство какой-то силы... Это самая страшная из всех бед –

война, самое серьёзное наше испытание, которое не все переживут. Но всё же! Это и главное приключение в нашей жизни. Пусть оно будет мерзким и страшным. Пусть кровавым. Пусть я увижу на этом пути много подлости и несправедливости.

Тревожности в пути добавляли остовы наших подбитых танков, грузовиков, на которые была нанесена знаменитая нынче буква латинского алфавита. Я ещё до конца не осознавал уровень угроз, которые нас ждут. Смотрел в ночь и боялся засад, боялся попасть под огонь артиллерии. Но чем дальше мы двигались вперёд, тем больше тревога спадала. Оставалась одна усталость и небольшая боязнь выпасть с БМП – при малейшем повороте штурвала мехводом меня почти выбрасывало с брони.

И всё время до того, как в стороне России начало всходить солнце, а колонна продолжала движение, я думал о тебе. О той ночи, что мы провели вместе. Такой невинной. Чистой и красивой. Обнимая тебя, чувствуя биение твоего сердца, осматривая тёмную комнату, в которую сквозь окна пробирался свет фонарей и фар, я не ощущал, будто что-то плохое творится в моей жизни. Лишь собранный рюкзак с обмундированием и экипировкой, стоящий в прихожей, свидетельствовал о грядущем.

Мы вспоминали и считали все наши встречи. Думали, как бы хорошо было, когда бы в жизни всё сложилось иначе. Ты за ту ночь столько комплиментов мне наговорила, сколько я за всё время нашего знакомства не слышал. И да, я был согласен: не так сложилось в наших жизнях, если я покидаю тёплую кровать с тёплой тобой и отправляюсь туда, где так мало тепла.

В одной из деревень, в центре которой стояла школа с разбитым после прилёта фасадом, наша колонна завернула в зелёные насаждения. Мы спешили, а БМП спрятались под деревьями. Не успели мы разгрузить вещи, начать вскрывать сухие пайки и разогревать их содержимое, как нам сказали, что мы двинемся в другое место. Теперь, все пятьдесят восемь человек, грузимся на борт КамАЗа. Мы в полной экипировке заталкивались в кузов, садились буквально друг на друга. Духота, крики, недосып и стресс, а также отсутствие любого подобия комфорта и осознание, если случится что-то, все не смогут разом покинуть машину, делали поездку очень неприятной. Дорога, казавшаяся вечной, кончилась. Мы спешили уже в другой деревне.

Я почему-то ещё до того, как пришёл в военкомат, знал, что окажусь в Харьковской области. На фронте были тяжёлые времена. Нашими уже сданы Изюм, Балаклея и множество других населённых пунктов. Многие патриотично настроенные граждане вдруг осознали, что не всё так радужно у нас в войсках, есть явные проблемы. Контрнаступление вооружённых сил Украины стремительно продолжалось. И, видимо, мы, только вчера заключившие контракты, должны были заткнуть какую-то брешь в обороне и хоть на время задержать продвижение противника.

Люди без опознавательных знаков, без погон, встали посреди дороги, загнав нас с имуществом под кроны деревьев. Это были, видимо, какие-то командиры. Представляться они не стали. Лишь кричали на нас за то, что мы слишком медленно выгружались, просили соблюдать тишину.

Где-то на краю горизонта была слышна канонада. Я ещё не понимал значения этих звуков. Гроыхало, рычало, свистело. Бывалые, выучившие музыку войны, говорили – танки и миномёты стреляют.

Люди без погон, стоявшие на дороге, смотрели на наш сброд. Пятьдесят восемь человек всех возрастов и телосложений. Были и молодые, вроде меня, были и мужики за пятьдесят. Незнававшиеся командиры пытались распределить нас повзводно, разбить на отделения, в первую очередь обращая внимание на тех, кто был одет не в юдашкинский «пиксель», а в завихренные пятна «мультикама».

3

После первичной оценки нашего товарного вида нам просто сказали идти. Я направился за неизвестным военным. На мне – бронежилет, автомат, разгрузка, рюкзак. В руках – одно-разовый гранатомёт, спальный мешок. Направляющий двигался очень быстро, и многие люди постарше и потолще не поспевали за ним. Я истекал потом, но не останавливался. Мне в детстве было почему-то интересно, что чувствовали средневековые рыцари всех орденов, идя в доспехах со своим оружием по жаркой пустыне близ Святой земли. Эта мысль, которая лежала в закромах памяти десятков лет, возникла сразу. Тяжело им было. И вот я в похожей роли воина, нагруженный как вол, непонятно чему радовался. Что я на этом месте. Тоже иду и пока ещё выдерживаю.

Направляющий привёл сильно поредевшую группу из десятка человек в лес около железной дороги. Из кустов показался мужчина в «пикселе», к которому направляющий обратился «Шершень». Наш проводник с Шершнем о чём-то быстро переговорили, и после первый нас покинул, озираясь по сторонам и особенно чутко смотря на небо.

Где-то над нами стрекотала стая злых пчёл.

– Дрон, – сказал Шершень и приказал всем быстро спрятаться по кустам.

Я залёг под ближайшее дерево. Дрон кружил над нами. Мне было страшно. Дыхание моё стало быстрее, да и сердце ускорило ход. Но как только дрон улетел, прошёл и мой страх. Он вышел вместе с парой спокойных вздохов.

– Идите за мной, держите темп, не отставать, дистанция два-три метра, – спокойно сказал Шершень.

Я послушно встал третьим в колонну и, когда дистанция до следующего солдата становилась меньше двух метров, чуть замедлялся и делал шаги покороче. Мы вышли к лесопосадке вблизи железной дороги. Она была довольно густой и широкой. Утром слегка накрапывал дождь, хвойные ветки намочили и держали влагу и запах. Воздух был объёмным и мокрым. Его было приятно вдыхать.

Мы прошли в маленький лагерь, где был небольшой навес. Под ним пять человек кипятили на газовой походной горелке воду в котелке. Это были и молодые пацаны девятнадцати лет, и состоявшиеся мужчины лет тридцати пяти. Все они были штатными контрактниками из Воздушно-космических сил и Ракетных войск стратегического назначения. По должностям – операторы спутников, начальники складов, водители машин, несущих ядерный потенциал страны. Но их отправили в эту командировку на немного иную должность, рядовыми стрелками в пехоту. Куда делись штатные контрактники мотострелкового полка, всем было понятно – за полгода войны они закончились. А фронт всё равно нужно было кому-то держать. Вот армия и подняла этих людей со дна ракетных шахт и спустила их на землю с высот космоса в безымянную посадку на краю Харьковской области.

Только я сбросил с себя почти всё имущество, напился воды и отмыл чёрное от выхлопных газов БМП лицо, началось знакомство с новым коллективом. Они именовали себя взводом. Количественно их было около восьми человек. Почти все пробыли на войне только месяц. Я глотал любую информацию о том, как здесь все устроено, как здесь выжить, как себя вести.

– Почти не воюем... Вся наша война – это жить под кустами и ходить на посты и смотреть. Сейчас ещё и отступать постоянно. Эта война артиллерии, война танков. Мы за месяц ещё ни одного выстрела не сделали... – сказал молодой парень.

Я вглядывался в улыбки этих военных, которые провели здесь хотя бы месяц. Смотрел, как они переглядываются между собой. Слушал шутки и остроты, которые сложились в коллективе. Видел, что они в целом сохраняют спокойствие и обычный настрой. Я спросил про потери. Они сказали, что несколько человек получили у них за неделю осколочные ранения

после миномётного обстрела. И только они сказали про обстрел, как хлопнул выстрелом миномёт, над нами пронёсся свист, чуть похожий на небрежный удар по нижней струне гитары, и где-то – где, я не понимал, – мина взорвалась.

Шершень сказал, что, возможно, это пристрелочный выстрел по нам. Нужно рассредоточиться по посадке. Он приказал молодому парню, Барону, с которым я разговаривал, увести нас подальше. Мы побежали, прыгая через заросли и бревна. Барон привёл нас почти к грунтовой дороге и сказал нам лежать и никуда не уходить. Мы легли. В ямки, канавы, низинки, в любые видимые изгибы ландшафта. Над нами – сосны, укрывавшие нас своими иглами от глаз на небе. А глаза там явно были. Я чувствовал, что за нами смотрят. Медленно лопают воздух винтами, приблизился к нам дрон. Все ближе и ближе подбирались разрывы. Меня затрясло, я не мог восстановить нормальный ритм дыхания. Я лежал под кустом, опустив голову в траву. Десять минут так лежал. Один дрон над нами сменялся другим дроном. Выстрелы орудий доносились со всех сторон света, приходы их снарядов всюду рокотали. Но я слишком устал. Слишком долго я был без сна. Страшно. Я уснул.

* * *

А помнишь нашу самую первую встречу? Я и счастьем своему поверить тогда не мог, что такая красивая девушка согласилась пойти со мной на свидание. Перед самой встречей у меня не получалось уснуть всю ночь. Улыбался, как дурак. Ходил из угла в угол своей комнаты. Репетировал диалоги, проговаривал реплики. А когда видел зеркало в умывальнике, глядел в отражение и оттачивал мимику, которую я хотел тебе показать. Я думал, это будет первая и последняя наша встреча. Она могла быть забавной, тёплой. Но наверняка последней. Просто в благодарность за то, что ты согласилась провести со мной время, я хотел подарить тебе цветы. Ночью вышел из общежития и пошёл искать клумбы с красивыми цветами. Вспомнил: около школы, неподалёку от моего университета, я видел подсолнухи. Взял ножницы, нитки, как вор, подкрался к клумбе, где они росли, и только на месте я понял, что подсолнухи не цветут в мае! Я застал лишь голые стебли и маковки. И денег на цветы у меня не было...

Я приехал к месту встречи за час. Стоял на выходе из метро, нервно курил, шагая из стороны в сторону, улыбался, о чём-то своём думая. И вот ты появилась за стёклышком двери, покрытой метрополитеновскими наклейками, двинула вперёд дверь и вышла на воздух полуденного «Гостиного двора».

Мы тогда впервые поглядели друг другу в глаза. Так интересно! Мои серые радужки, доставшиеся мне от прадедов, прабабушек, живших на Псковщине, в диком лесистом краю, куда даже монголы почти тысячу лет назад поленились дойти, поглядели в твои глаза – такие бронзово-карие. Как у твоих предков, по преданию, вышедших из Египта, видевших Христа или как минимум его апостолов, прошедших долгий путь гонений, рассеяния по всему свету...

Я волновался, как ребёнок, который пытается купить в магазине сигареты, не выдав возраста. Поздоровался, принялся оправдывать низкое качество заведения, куда мы с тобой пойдём. Обращался к тебе на «вы». Говорил без остановки, много раз взмахивал руками и активно жестикулировал, чтобы подавить мандраж.

Я боялся замолчать. Думал, если замолчу, ты пропадёшь. Просто потеряешься в толпе. Растворишься, и я тебя никогда больше не увижу. Я замолкал, когда ты говорила. И я шёл за твоим голосом. Я и подумать не мог, что с тобой так интересно разговаривать обо всём на свете. Мы выпили в каком-то подвале вблизи Фонтанки несколько пластиковых стаканов жигулевского пива по сто рублей за ноль пять и пошли пешком до «Горьковской».

Там, на мосту, я понимал, что нужно заканчивать встречу. Ведь ещё немного, и как будто не останется слов, которые я могу тебе говорить. Но как только я хотел попрощаться, ты села

на лавочку и взглядом показала мне: садись рядом. Говори со мной дальше. И мы говорили. Обнялись на прощание. Пообещали друг другу, что снова увидимся.

4

Я открыл глаза. Веки были очень тяжёлыми, липкими. Горло высохло. Было очень холодно и неприятно. Небо чуть потемнело, но дроны продолжали кружить над нами. Барон сказал, что нужно продержаться до ночи. Ночных дронов у врага мало. Я достал из кармана сигарету. Барон заметил, что нужно выработать привычку прятать огонёк под ладонью. Он научил меня новой расстановке пальцев для курения.

Рядом со мной, вдавливая голову в ствол дерева, лежал мужик лет тридцати пяти. Ваня. У него были рыжие кудри, рыжая густая борода. Он много улыбался. Всегда, когда я на него глядел, он улыбался. Я это заметил, когда мы ещё только в Белгородской области получали форму. Ваня попросил у меня нормальную сигарету. Сказал, что у него осталось с собой немного женских тонких сигарет с ментоловым вкусом.

Мы лежали в одной ложбинке, о чём-то шутили, стараясь немного отвлечься. Осознания, что мы на войне, не было ни у меня, ни у него. Когда закончились мои сигареты, мы курили одну тонкую на двоих. Передавали догорающий окурочек из рук в руки. Мне по-человечески Ваня понравился. Он ещё сказал, что жена у него предпринимательница, есть четверо детей, и что на войну он поехал не ради денег. Уважаю таких людей. Может, немного он лукавил. Не знаю. Мне хотелось за Ваню держаться. Быть рядом и считать его своим другом. Чтобы вместе переживать всё, что с нами будет.

Стемнело. Миномёты и танки перестали стрелять. И небо было чистым, без хищных зорких птиц. Барон повёл нас обратно в небольшой лагерь. Там я заметил, что у меня кто-то взял спальный мешок, пока мы ждали темноты на другом конце посадки. Я пытался его отыскать, но в темноте видел лишь очертания кустов и деревьев. Шёл по ним. Иногда упирался в силуэт, который оказывался человеком. Спрашивал силуэты, где мой спальник. Никто мне не отвечал. Поэтому мне пришлось лежать под деревом на бронезилете. Как назло, пошёл дождь. Я проснулся от того, что мой демисезонный китель и штаны перестали удерживать влагу, и мне стало очень мокро и холодно. Но за несколько суток без сна я так устал, что не мог встать и попытаться хотя бы зайти под навес от дождя.

Я уснул снова. Проснулся, когда несколько раз взорвались рядом с нами танковые снаряды. Всё подобие лагеря засуетилось. Кто-то даже включил фонарики, но на них тут же накричали матом. После обстрела, который никого не задел, капли дождя стали меньше и реже падали с неба. Я продолжал спать. Когда дождь усилился и туго застучал по земле, так что капли его, ударяясь о землю, расплывались и били меня в лицо, я вновь проснулся. Стало светлее. Утро уже было близко. Тучи проходили мимо нас, и дождь мельчал.

Люди в лагере просыпались, скручивали спальные мешки, выжимали одежду. Шершень, увидев, как здесь много народу, приказал штатным контрактникам собрать несколько групп и развести нас по разным посадкам копать окопы. Я последовал за Бароном. Мы перешли железную дорогу, люди начали выбирать места для окопов и искать себе напарников для рытья. Мы с моим земляком, двухметровым, с косым невидящим глазом, выбрали овражек под сосной. Лопата на четверых была одна. Сначала наша двойка чуть рыхлила кривой лопатой с наполовину обрубленным черенком землю. Потом наши соседи. В какой-то момент Зёма воткнул в очередную раз лопату в землю и надавил на неё подошвой ботинка, черенок повторно разломался, и железная часть вылетела.

Неподалёку слышался рокот дизельного двигателя. Я не понимал, в какой стороне враги, в какой стороне наши. Никто нам ничего не объяснял. Я даже не понимал, как копать окоп с расчётом на то, чтобы вести из него стрельбу. Очень хотелось пить. На десяток человек была

одна пятилитровая канистра воды. Ставив с себя бушлат, я добежал до воды, смахнул налипшую грязь с её горлышка и влил в себя немного. Это лишь слегка утолило жажду. Мои берцы промокли, носки тоже, нательное бельё насквозь промокло. У меня была небольшая температура, да и выпавшимся я себя не ощущал.

Я вернулся к ямке, которую мы с Зёмой копали для себя. Дизельный двигатель неподалёку от нас перестал рычать. Он уже монотонно гудел в одном месте. Я видел, как Ваня со своей улыбкой, поглаживая бороду, взял автомат и пошёл на выход из посадки. Я ещё раньше заметил, что Ваня с другими солдатами утром пил водку, которая была у кого-то припасена в рюкзаке: пытались свои промёрзшие тела согреть после такой холодной мокрой ночи.

Не успел Ваня подойти к окраине посадки, как раздался громкий выстрел. Секунда. Взрыв. Одно дерево покосилось и закричало. Ветки с листьями опали на землю. Ошмётки чернотёма летели над нами. На месте, где стоял Ваня, лежало тело, у которого вместо ног мы увидели мясо и кости. Тело кровоточило. Красная жижа текла поверх серой кожи и грязи. Выстрел. Взрыв. Выстрел. Взрыв. Двигатель где-то далеко набирал обороты, и его звук медленно уходил назад. Как только двигатель стало еле слышно, в общей палитре звуков можно было различить стрекотание дрона, автоматные хаотичные очереди, свист мин и непонятную вязкую канонаду за пределами нашей видимости. Подальше нас люди привстали с земли, вынырнули из ям, начали озираться и смотреть, как изменилась посадка после небольшого обстрела. Упругий удар. Это выстрелил миномёт. Один боец, я плохо помню его лицо, лишь позывной – «Вихрь», быстро отреагировал на звук. Он прыгнул в лунку окопа, которую все утро углублял. Непродолжительный громкий свист. Разрыв. Осколки стучат по деревьям. Вихрь не вылезает из лунки. Лунка стала глубже. А мелкие части Вихря остались на листьях кустов и на траве. Люди, которые никак не среагировали на выстрел, от непонимания и отсутствия опыта не залегшие наземь, остались живы.

Я лежал в свой яме. Уже после танкового обстрела я надел на себя каску и бронежилет. Я постелил на дно подобия окопа бушлат и лежал на нём. Меня трясло. Я вспомнил все молитвы. Оказывается, я их много знал. Я начинал чеканить про себя «Отче наш». Но сбивался и начинал снова. «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое...» Я задыхался. Забывал, как дышать. Мне никогда в жизни не было так страшно.

Когда наступило короткое затишье, я услышал, как со всех сторон донеслись голоса. Это была первая попытка переосмысления у людей, которые пережили свой первый обстрел.

Обсуждали Вихря. В его отношении употребили циничную, но точную метафору:

– Даже в совок собрать нечего...

– Судьба...

Я слышал, что вероятность прямого попадания мины равна вероятности выиграть в лотерею миллион долларов. Я не знал никого, кто бы выиграл миллион долларов в лотерею. Но я знал Вихря.

Один мужик подполз к нам. В руках у него был автомат, но на нём не было бронежилета и каски. Видимо, он был из тех, кому не хватило средств защиты, когда нас вооружали в белгородском лесу. Из виска у него шла кровь. Рот его был чуть приоткрыт. Он молчал. Я смотрел в его глаза. Было очень тяжело в них смотреть. Вся боль от кровоточащих ран была в его глазах.

Мой земляк, плечистый, под два метра ростом, вжимался в подобие окопа и тоже был напуган. Мы глядели друг на друга, но и слова сказать не могли.

Выстрел. Взрыв. Выстрел. Взрыв. Снова танк стреляет по нам. Осколки избивают деревья, листва от ударной волны осыпается, почва, поднятая разрывом на высоту, градом падает на нас. Я вжимался в ямку, зажмурив глаза. Крайний, седьмой разрыв совсем рядом. После него у меня очень сильно засвистело в ушах. На меня сыпалась земля, и что-то ударило меня по спине. Я рукой нащупал горячий осколок.

Попытался взять его в руку и, когда обжётся, выронил его перед собой. Он, видимо, отрикошетил от дерева, и сила удара была уже погашена, пока он догнал меня. Этот осколок, обжёгший мне палец и поцарапавший бронежилет, был приветом смерти. Она рядом. И она может сделать со мной всё, что захочет.

Неподалёку от нас такой же осколок пробил шлем и череп одному молодому парню лет девятнадцати.

– На нас идёт группа пехоты, – сказал Барон, только вернувшийся из основного лагеря.

Все, кто был жив и не был ранен, сняли с предохранителя автоматы и направили их стволы в сторону зелени. «Вот и всё», – пронеслось в голове. Так и кончится жизнь моя. Скажу честно, я начал прощаться с миром и не рассчитывал уже на то, что буду и дальше топтать его ногами и смотреть глазами. Я быстро вспомнил себя. Людей, которых знал. Тебя. Казалось таким неправильным, что я сейчас умру, а вместе со мной умрёт моя память, сознание, мои мысли... Но чем я лучше тех, кто уже принял сегодня смерть? Я сказал Зёме, что мне страшно. Он сказал, что ему тоже страшно. Нас сплело липким чёрным страхом.

В посадку пришли два парня. Они были лучше нас одеты и вооружены. Кто-то сказал, что это разведчики. Разведчики принесли приказ отступить. Всем хотелось проскочить вперёд. Но они выпускали людей из посадки по двое с интервалами в пару минут. Сказали, бежать вдоль железной дороги по зелёнке.

Когда очередь дошла до меня, я побежал, как мог. Мне очень хотелось жить. Я видел, как люди постарше скидывали с себя бронежилеты, магазины. Лишь бы иметь возможность бежать быстрее. Около поля подсолнухов было высокое толстое дерево, под кронами которого частью лежала, частью сидела горстка отступающих солдат. Они перекуривали, старались перевести одышку в привычное монотонное дыхание.

Впереди был открытый участок, где нужно было бежать вдоль поля. Делали это строго по одному. И когда другой боец оказался на той стороне, бежать сказали мне. Небо расчистилось. Солнце хоть и не грело, но приятно освещало деревню перед нами. Ярко-жёлтые подсолнухи колыхались от лёгкого ветра. Было тихо. Лишь птицы где-то по деревьям и кустам пели песни. Мирная картина, приятная и красивая. Воронка посреди поля, вокруг которой валялись расчленённые поржавевшие цветы, напоминала, что в этом краю сейчас идёт война.

Когда перебежал поле и оказался на деревенской улице, я не знал, куда идти. Из-за спрятанного за кустами забора на меня крикнули, спросили, зачем я тут отсвечиваю. Я приблизился к части забора, из которого было вырвано несколько досок, и заскочил в эту брешь.

Там под грушевыми деревьями сидело несколько солдат. Они сказали, что потом нужно будет выйти через ворота и пробежать по тропе на левой стороне улицы до тех пор, пока я не упрусь в здание школы. Отдышавшись, поправив автомат и шнуровку берцев, я последовал тем путём, который мне указали. Около самой школы я заметил, как с других улиц приближаются ещё солдаты. Видимо, приказ на отход к точке эвакуации был общим. Только я подошёл к двери, прямо на пороге меня обнял пацан в очках с позывным «Ученик». Мы беседовали с ним несколько раз в полевом лагере после подписания контрактов. Я его не видел с момента нашего прибытия на КамАЗе.

– У вас все живы?

– Не все...

5

Я прошёл в школьный коридор. Жал руки знакомым. Ученик сказал, что в кабинете на первом этаже есть еда. А вот воды, к всеобщему сожалению, не было во всём здании. Я прошёл в учительскую, взял со стола гречку из сухого пайка и несколько галет. Быстро втыкал пластиковую ложку в холодную желеобразную гречку и ел. Оставил половину и положил контейнер на

стол. Вернулся в коридор. Там под стендами с фотографиями педагогического состава лежали баулы и рюкзаки. На полу валялись россыпи патронов, гранаты без запалов, около полки с детскими поделками стояли ящики с боеприпасами.

Люди суетились. В одном кабинете пытались оказывать первую помощь раненым. Шум, крики, истерики, шелчки патронов, что забивались в магазины. Я, не скидывая с себя броню и оружие, бродил по коридорам, заходил в кабинеты, рассматривал фотографии детей, учителей. Думал про себя: а если бы доучился в университете, мог бы быть учителем. Не понимая, что я должен делать и что чувствовать, медленно подходил к каким-то людям со знакомыми лицами и демонстрировал им осколок, постучавшийся в мой бронежилет. Говорил, вот, если бы он прилетел чуть выше, попал бы мне в шею, а не в кевларовую пластинку, меня бы, наверное, уже не было. Я подошёл к мужику, которого знал по самолёту, переносившему нас в Белгород. Я прекрасно запомнил его старое худое лицо с усами над дрожащими губами, с гематомой под глазом. Показал осколок. Мужик, моргнув синяком, сказал, что это плохая примета. Мужика этого избил помощник пилота за его пьяную попытку справиться естественную надобность в щель между трапом и стенкой фюзеляжа. Уже на земле, когда мы забились в автобус, у того усатого мужика была алкогольная истерика. Он плакал, говорил, что потерял друга и что он капитан СОБРа, который прошёл Чечню. Я почему-то поверил и прислушался к нему. Капитан СОБРа сказал, что осколки с собой можно носить только те, которые извлекли из тебя. А этот осколок будет примагничивать другие. Посоветовал выкинуть его. Я прошёл в школьный туалет и выбросил осколок в дыру посреди коричневого кафеля.

Очень мучила жажда. Я не хотел в этот момент оказаться рядом с тобой, не хотел оказаться дома, не хотел, чтобы наступил мир во всем мире. Я думал только о глотке воды. Все семьдесят человек, собравшихся в школе, думали только о воде. В мешанине шумов, разговоров, канонады снаружи, от которой тряслись окна, я услышал, как один парень заявил о своём намерении взять бесшумный автомат и пробить отопительную батарею. Другие солдаты принесли вёдра с надписью «туалет». Парень прицелился и произвёл выстрел. Из батареи текла ржавая застоявшаяся вода. Под эту струю подставили туалетные вёдра и наполняли их по очереди. В эту гнилую воду накидали таблеток, сахара, порошка малинового вкуса из сухих пайков. Люди по очереди приходили и зачёрпывали кружкой. Передавали кружку друг другу. Передали её и мне. Я отхлебнул. Это была просто жидкая ржавчина со сладким привкусом. Очень плотная, её металлический привкус оставался в горле. Много я не выпил. Но это было хоть что-то.

Когда я решил набрать ещё один магазин патронов и молча их забивал, почувствовал на себе тяжёлый взгляд. Отвлёкся от своего занятия и поднял глаза. Передо мной стоял тучный человек с короткой бородой и синими глазами. У него были погоны прапорщика и белый бинт на плече. Он чуть сощурился и иронично сказал:

- Ты чего трясешься?
- Заболел.

Он вернулся через несколько минут с несколькими пачками таблеток от простуды и температуры.

– А скажи, ты почему с такими длинными волосами на войну приехал? Ты первый день в армии, что ли? Не знаешь, что в армии нужно коротко стричься?

Я улыбнулся и поблагодарил его за таблетки.

Мы не понимали, что нам делать дальше. Оборонять школу? Отступить? Возвращаться в посадки на окраине деревни? Я слышал переговоры командного состава. Они запрашивали для нас два танка, насколько я понял, для прикрытия нашего отхода. Командование сверху танки не прислало. Прислали приказ отбивать деревню назад. Командир батальона и командир роты стояли неподалёку от входной двери. Они объясняли толпе, что сейчас нужно будет провести зачистку деревни. Отбить её назад. Так и не отошедшие после утра люди возмутились.

Кто-то сказал, что не берегут командиры свой личный состав. Командир роты, бородатый, лет двадцати пяти, представившийся как «Говорун», сказал:

– Если бы мы вас не берегли... Приказ был вообще за световой день выбить хохлов из деревни! Вы попали под первый обстрел, а я тут с начала войны. Это по вам ещё «Ураганы» не крыли... Я за полгода выезжал с войны только один раз по ранению...

Люди галдели, возмущались. Это был их первый полноценный день на передовой. И у них уже было столько впечатлений от увиденного и пережитого. Командир батальона, с чёрной бородой и тёмными уставшими глазами, с позывным «Гранит», объяснил наши последующие действия:

– Выбегайте из школы по двое. Одна двойка заняла позицию, за ней следующая. И так улицу за улицей.

Я не хотел выбегать в первых рядах, но не хотел бежать последним. Чуть пропустив народ, я выбежал с каким-то парнем в чёрном бушлате. Мы рванули до ближайшего столба в овраге вдоль дороги. После первой перебежки я попытался проверить предохранитель своего автомата. С большим трудом я смог перевести его на режим одиночной стрельбы, на том и оставил, понимая, что если будет огневой контакт с противником, я потеряю минуту времени на это переключение. Мы продвигались вперёд. От канавы к канаве, вдоль заборов, от куста к кусту, от дерева к дереву. На удивление, работа была слаженной. Несмотря на отсутствие обучения у большей части личного состава и отсутствие боевого опыта. Желание выжить и реальная опасность заставляли вспоминать навыки срочной службы даже тех, кто её окончил два десятка лет назад.

Солнце медленно садилось, сжигая красным светом облака на западе. Насекомые кружились над кустами и огородами. Местные жители сидели на крыльцах своих домов и молча наблюдали за нашими действиями. Мы думали, ещё один дом пройдем, и там будут враги. На окраинах деревни разносились очереди автоматов и пулемётов. Артиллерия почти не работала. Я снова думал о воде. Когда я перебежал перекрёсток и занял позицию за сломанным автомобилем, сказал сидящим рядом, что очень хочу пить. Один мужчина, тоже с синяком под глазом, усомнившийся ещё в Белгороде в правдивости рассказа одного луганского ополченца о том, как тот выходил из окружения, и получивший от ополченца вместо документа, подтверждающего его рассказ, сиреневую печать на всё веко, достал из вещмешка литровую пластиковую бутылку, в которой была малиново-ржавая вода, напоминающая по плотности воду болотную. Я, задержав дыхание, открыл бутылку и, стараясь не дышать, влил в себя немного этой жижи. Побежал дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.